

Г. А. Пугаченкова
ГЕРАКЛ В БАКТРИИ

ЭЛЛИНСКИЕ мифы приписывали Гераклу продвижение в далекие азиатские страны вплоть до Индии; эти рассказы приводились у ряда древнегреческих авторов, в том числе у Мегасфена. Где-то в горах Парапамисад — т. е. Памиро-Гиндукушской системы — они помещали ту скалу и пещеру «Кавказа», где был прикован Прометей, освобожденный от мук божественным героем. Однако уже Эратосфен (276—196 гг. до н. э.) полагал, что деяния Геракла в Индии были лишь придуманы македонянами в угоду Александру, предтечам которого здесь якобы были Дионис и Геракл. По мнению Эратосфена, греки во время походов Александра, встретив в Парапамисадах какую-то пещеру, либо услышали местное о ней предание, либо сами выдумали его, связав с пещерой Прометея, а увидев в Индии рогатый скот с тавром наподобие палицы, сочли это также за знак пребывания здесь Геракла. Два века спустя скептическое отношение к рассказам об индийских странствованиях обоих эллинских богов решительно поддержал Страбон (География, XI, 5; XV, 7; 8), называя их лживыми и баснословными вымыслами льстецов Александра. «Это ясно из того, — пишет он, — что даже народности, находящиеся между греками и индийцами (через земли которых Дионис, Геракл и их спутники должны были совершить поход на Индию), не могут представить никакого доказательства их прохода через свою землю» (XV, 8). Между тем еще через два столетия Арриан, в чьем «Анабасисе» и изложено мнение Эратосфена, предпочел воздержаться от суждения об этих рассказах. Не могли ли до него прийти какие-то сведения о существовании в эту пору в государстве Кушан и культа и изваяний обоих богов?...

К спору античных авторов возвращают нас новые открытия археологов, которые проливают свет, разумеется, не на «странствия» Диониса и Геракла, а на ареал почитания этих божеств или же на существование близких по значению культов у народностей, «находящихся между греками и индийцами» (говоря словами Страбона). Сначала изображения на монетах, обращавшихся в областях Северо-Западной Индии, Арханисстана и Средней Азии, а затем и иные памятники античной культуры послужили свидетельством почитания здесь Геракла и существования местных дионисийских культов. Правда, и эти монеты и памятники восходят лишь к послемакедонским временам.

Новое интереснейшее произведение среднеазиатской Гераклиады было открыто в 1973 г. на городище Дильберджин в области Балха — древних Бактр, раскопки которого в течение ряда лет ведутся Советско-Афганской археологической экспедицией. Дильберджин представляет собой остатки крупного укрепленного города, лежавшего у северной границы

Балхского оазиса¹, отгороженного от наступавших на него барханных песков стеной, которая служила также и защитой от набегов кочевников. Город обнесен по квадрату 450 × 450 м мощной, фланкированной прямоугольными башнями стеной с внутренними галереями и стрелковыми камерами; в центре его возвышается цитадель с остатками крепостных ограждений, обведенная эспланадой, вокруг которой плотно застроенные жилые и ремесленные кварталы; в северо-восточной части находится крупный храмовый комплекс. Город имел двое ворот — южные, обращенные к главной дороге на Балх, и северо-восточные близ храмового ансамбля.

В связи с изучением фортификации Дильберджина в полевом сезоне 1973 г. автором этих строк при участии инспектора Института афганской археологии г. Самани осуществлялись раскопки привратных сооружений у южных городских ворот (объект Д-VIII). История их возведения, многократных перестроек и, наконец, заброса, подразделяется на шесть основных периодов и обрисовывается в общих чертах следующим образом.

Первый период связан с первоначальным возведением крепостных ограждений Дильберджина. Главный городской въезд был при этом укреплен с двух сторон башенными выступами. Восточная башня (8,5 × 4,5 м) включала квадратную стрелковую камеру с бойницами, западное же укрепление представляло выдвинутое вперед на 7 м мощное прямоугольное сооружение протяжением 26 м. В планировке его выделен центральный отдел пролетом около 4 м, впоследствии сплошь забутованный, по обе стороны от которого расположено в двух этажах по четыре продолговатых сводчатых камеры двухметрового пролета, связь их осуществлялась по лестницам из двух небольших внутренних галерей. Во всех камерах имелись бойницы — прямые и косые, расположенные пучками по три, что позволяло стрелкам осуществлять обстрел в разных направлениях.

Второй период ознаменован усилением западного привратного сооружения, которое преобразуется в мощный бастион. Вдоль его южного фаса пристраивается широкая галерея (полевого шифра 1/11). В южной стене ее было десять бойниц внизу и пять в верхнем ярусе, в восточной и западной по три внизу и по две вверху, причем форма нижних бойниц — стреловидная, а верхних — прямоугольная. Вдоль нижних бойниц проходила полуметровая по высоте приступка, устроенная для удобства опиравшихся о нее стрелков, а вдоль верхних, видимо, тянулся легкий обвод на деревянных консолях. В западной части галереи был вырыт колодец, обеспечивающий защитников бастиона водой. К концу второго периода привратные укрепления претерпевают некоторые разрушения, в сырцовых кладках видны глубокие бреши, — возможно, от ударов стенобитных орудий.

Третий период связан с починкой этих разрушений и дальнейшим усилением оборонных качеств привратной системы. Поврежденные внешние участки забутовываются глиной, по обе стороны от выхода и по периметру восточной башни выводятся паховые обкладки. Главный же бастион получает существенное добавление — вдоль его южного и западного фасов выводится новая Г-образная в плане галерея трехметрового пролета. В первом ярусе ее южной стены устраивается шесть, а в западной — четыре прямых бойницы, в восточной же, обращенной к въезду, — две прямые и две косые; форма всех бойниц стреловидная. Расположение бойниц во втором ярусе из-за малой высоты сохранившихся внешних стен остается неизвестным. Теперь бастион уже выступает на 18 м. С по-

¹ И. Т. К р у г л и к о в а, В. А. С а р и а н и д и, Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий, СА, 1971, № 4, стр. 167 сл.; I. T. K r o u g l i k o v a, V. I. S a g i a n i d y, La Bactriane ancienne dans l'optique de nouvelles recherches archéologiques, «Kushan Culture and History», № 2, Kabul, 1971, стр. 26 сл.

явлением новой внешней галереи происходят переделки других помещений: пробиваются новые проемы, повышаются полы, частично закладываются ставшие ненужными первоначальные бойницы. Рва в секторе раскопок у южных ворот Дильберджина не обнаружено, — судя и по другим участкам крепостных ограждений, его не было.

В четвертом периоде стены города и привратный бастион утрачивают оборонное значение. Ворота разрушены — теперь это просто открытый пандус — въезд. Вдоль бастиона и крепостных стен изнутри к ним пристраиваются сооружения бытового характера. Внутренняя галерея 1/11 забутовывается более чем на 2 м по высоте сырцом, взятым из разных построек, и над этим новым полом лежат чисто бытовые остатки, хумы, печь-тандыр и пр. Галерея же третьего периода преобразуется в две хумханы — хранилища пифосов-хумов, которые вместе с новыми полами наполовину закрыли отверстия внешних бойниц.

Пятый период знаменует дальнейший упадок привратного бастиона, где используются в хозяйственно-бытовых целях лишь некоторые помещения с хорошо сохранившимися стенами. В галерее 1/11 новый пол еще на 1,2 м выше предыдущего, наверху стен кое-где пробиваются проемы, но большинство галерей и камер — в запустении.

Шестой период отмечен полным забросом не только фортификационных сооружений, но и всего города. Над полуоплывшими стенами бастиона открыты погребения этого периода, в одном из них найдена эфталтская монета V в.

Из шести отмеченных выше периодов истории привратных сооружений у главных ворот Дильберджина достаточно точно датируются по археологическим данным по крайней мере четыре. Шестой период относится к V в.; пятый и четвертый периоды датируются монетами кушано-сасанидского чекана III—IV вв. Третий период восходит ко времени Васудевы II, т. е. (исходя из датировки многоспорной эры Канишки в пределах конца I — первой половины II в. н. э.) к концу II — началу III в. Второй период, думается, можно связывать с временем огромных строительных работ, осуществлявшихся в государстве Великих Кушан при Канишке. Первый же период соотносится с возведением вокруг квадрата Дильберджина всего оборонительного пояса стен, датировка которого пока остается не уточненной.

В свете нашей темы наибольший интерес представляет третий период. Именно в эту пору галерея 1/11 утрачивает свое первоначальное оборонное значение (которое переходит к вновь возведенной перед ней галерее). Пол ее повышают до уровня былой приступки и низа бойниц, частично заложенных и преобразованных в нишки. В центре же противоположной от них стены на высоте 1 м от пола вырубается в сырцовой кладке прямоугольная ниша размерами 1,5 × 0,95 м при глубине 65 см и в ней устанавливается вотивная статуя. Для гарнизона защитников ворот галерея 1/11 приобретает культовое значение. Здесь же они берут из колодца воду на бытовые нужды, а может быть, и для ритуальных целей.

Расчистка ниши со скульптурой выявила неожиданную картину. Оказалось, что статуй было две. Обе круглообъемные, выполненные из плотно отмученной серой скульптурной глины, на внутреннем каркасе из толстых древесных стержней, оставивших глубокие полости. Обе были окрашены. Первая статуя почему-то вскоре разрушилась — возможно, что оказался смещенным центр тяжести или не был достаточно закреплен ее корпус. Она имела близко расположенные ступни и близ правой из них — бугорок для опоры дубинки. Эти детали оставлены на месте и вошли в глиняную забутовку высотой 20 см, послужившую новым основанием, на котором установили другую статую. Ноги ее для лучшей

Рис. 1. Дильберджин. Статуя Геракла в процессе расчистки

устойчивости были расставлены значительно шире, в спину было введено три деревянных стержня, вделанных в торцовую стенку ниши. При закладке (в четвертом периоде) галереи 1/11 кирпичом ниша со статуей также была забита сырцом и глиной. При этом (или к этому времени) у статуи были отбиты голова (от нее дошли лишь незначительные фрагменты), руки по локоть, половой орган.

При консервации и изъятии из ниши торса и отдельных фрагментов обеих скульптур (они осуществлялись афганским реставратором г. Тахером) в ногах нижней статуи были обнаружены широкие полости от истлевших стоек, на которых она крепилась, а в глине одной из пяток — монета Васудевы II. Нет сомнений, что это была ходовая монета времени создания статуи, вложенная скульптором «на счастье», как это делают до наших дней афганские и среднеазиатские строители, бросая при закладке здания монету в котлован или между краевыми кирпичами. Обычай закладки монет в магических целях существовал в Бактрии и в кушанское время — так, например, в Халчаяне между угловыми кирпичами крепостных ворот нами была обнаружена монета Канишки².

² Г. А. Пугаченкова, Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966, стр. 105.

Вторично установленная статуя (рис. 1) имела высоту около метра. У нее коротковатые ноги и худощавое тело с обобщенно выполненной лепкой форм. Поверх розоватого грунта тело окрашено в густо-красный цвет — возможно, что это результат поновления поблекшей первоначальной окраски. Вокруг шеи густыми белилами нарисовано ожерелье из кружков с овальной подвеской на груди. Эта деталь, как и общий характер пластической передачи тела привели нас в начале вскрытий к заключению, что фигура изображает Шиву. Однако в дальнейшем находка у правой ноги обломанной дубинки дала бесспорное указание на то, что перед нами Геракл. От головы его сохранились лишь фрагменты розовой щеки, надбровья и глаза и несколько мелких спиралевидных налепов — завитков волос; эти завитки, зрачок и бровь окрашены черным.

В верхней трети ниши проходила широкая орнаментальная полоса — она современна нижней статуе, при установке (или при поновлении) второй была перекрыта слоем побелки. Роспись выполнена клеевыми красками по белому пигменту. В ней следуют (сверху вниз) белая, красная, желтая полосы; затем широкая красная полоса с белым побегом виноградной лозы; под нею полудужия свисающей цепи с крупными звеньями, перевитой красными лентами с ниспадающими концами (рис. 2).

Итак, на почве Бактрии, в округе ее главного города Бактр, открыто скульптурное изображение Геракла времени последнего царя династии Великих Кушан.

Почитание Геракла на Ближнем Востоке в эллинистический период засвидетельствовано как монетным чеканом ряда правителей, так и многими памятниками искусства — от монументального рельефа с посвятельной надписью на скале Бехистуна (148 г. до н. э.)³ до терракотовых статуэток из Селевкии на Тигре, Ашура, Варки, Нишсура⁴. Для парфянской державы Аршакидов (III в. до н. э. — III в. н. э.) также известны многочисленные изображения Геракла — скульптуры, рельефы, терракоты, печати — из западнопарфянского региона (Дура-Европос, Хатра, Селевкия на Тигре и др.)⁵. Число находок этого рода с восточной периферии парфянского мира пока невелико, хотя и здесь культ героя засвидетельствован изображениями палицы и львиной головы на терракотовых метопах из южного архитектурного комплекса Старой Нисы⁶, а также головы героя и палицы на одном из ритуальных ритонов нисийской сокровищницы⁷.

Почитание Геракла в областях Греко-Бактрийского и Индо-Парфянского царств подтверждают монеты. Изображение его в чекане различных правителей свидетельствует об избрании героя божеством-покровителем. В этом качестве он фигурирует на монетах III—II вв. до н. э. у,

³ R. N. Frye, *The Heritage of Persia*, Cleveland, 1963, стр. 150, рис. 69—70; S. B. Downey, *The Heracles Sculpture*, «The Excavations at Dura-Europos, Final Report», I, 1, New Haven, 1969, стр. 1, табл. I.

⁴ W. Van Ingen, *Figurines from Seleucia on the Tigris*, Ann Arbor, 1939, № 244—253, табл. XVIII; W. Andrae, H. Lenz, *Die Partherstadt Assur*, Lpz. 1933, табл. 59 e; Ch. Ziegler, *Die Terrakotten von Varka, B.*, 1962, стр. 176, табл. 23; L. Legrain, *Terracottas from Nippur, Philadelphia*, 1930, стр. 22, № 129, 130, табл. XXIV—XXV.

⁵ См. Downey, *The Heracles Sculpture*.

⁶ Г. А. Пугаченкова, Архитектурные памятники Нисы, «Труды ЮТАКЭ», I, Ашхабад, 1949, стр. 219 сл., рис. 9; она же, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, «Труды ЮТАКЭ», VI, М., 1958, стр. 96 сл.

⁷ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Парфяnsкие ритоны Нисы, «Труды ЮТАКЭ», IV, Ашхабад, 1959, стр. 196 сл.; она же, Парфяnsкие ритоны Нисы. Альбом, М., 1958, табл. ХСШ.

Рис. 2. Статуя взята в гипс. Внизу видны расчищенные ступни первоначальной фигуры, в нише — остатки настенной живописи

греко-бактрийских басилевсов⁸, а во II—I вв. до н. э. у ряда индо-сакских и индо-сарфянских царей⁹. Несомненно, при дворах этих государей были особые святилища, где воздавались ритуальные почести Гераклу. Но вполне вероятно и существование в некоторых городах храмов божественного героя, посещавшихся как местными потомками греческих колонистов, так и эллинизированной частью коренного населения. Факт сооружения и длительного использования в Бактрии подобных храмов эллинических божеств уже засвидетельствован, например, открытием на Дильберджине храма Диоскуров с алтарем в целле и живописными изображениями Кастора и Полидевка по обе стороны от главного входа.

Геракл на упомянутых монетах предстает в трех основных статуарных концепциях: 1) обращенным к зрителю, в покойной, уравновешенной позе с дубинкой и шкурой немейского льва; 2) с теми же атрибутами в

⁸ Allouche La Page, *L'art monétaire des royaumes bactriens*, P., 1956, табл. V.

⁹ См., например, V. A. Smith, *Catalogue of the Coins in the Indian Museum*, Calcutta, Oxf., 1906, стр. 39, 41, 49, табл. VIII; R. B. Whitehead, *Catalogue of Coins in the Panjab Museum*. Lahore, Oxf., 1914, стр. 124, 125, 138, 142, 143, табл. XII, XIV.

одной руке и диадемой или венком в другой (принято считать, что он как бы увенчивает себя, но, может быть, он участвует в инвеституре, приподняв венец над государем?); 3) присевшим отдохнуть, прежде чем отправиться на свершение новых подвигов. Все три позиции хорошо известны в пластическом искусстве Греции, особенно в творчестве Лисиппа, шедевры которого повторялись и варьировались не одним поколением ваятелей греко-римского мира. Первые статуи могли попасть в центральную зону Азии после походов Александра (заслуживает внимания упоминание Филострата о том, что Александр по достижении долины Инда установил алтари и посвятил их двенадцати эллинским богам, в том числе «своему брату Гераклу» — *Vita Apoll.* II, 43). Число таких копий возросло при Селевкидах и в пору греко-бактрийского и парфянского филоэллинства, причем в этот период они могли быть привозными, но могли уже воспроизводиться на местах скульпторами как из греческой, так и из эллинизированной местной среды.

В эпоху Кушан божество по имени НРАКІЛО нередко фигурирует в монетном чекане Хувишки (II в.)¹⁰. Вообще же, по мнению нумизматов, в кушанское время греческий Геракл сливается с индийским Шивой, оказав влияние на его иконографию¹¹. Уже на монетах Вимы Кадфиза (I в.) двурукий Шива, стоящий с горбатым быком Нанди, имеет в качестве атрибутов трезубец Посейдона и палицу Геракла. В чекане Хувишки наблюдается дальнейший синтез разнородных божеств. На одной из групп его медных монет фигурирует схематически выполненное изображение божества впрямь, с приподнятой правой рукой, с палицей и львиной шкурой в левой. Иконографически — это явно Геракл, однако надпись справа гласит ОКРО, очевидно передавая его местный эквивалент. В другой монетной группе предстает четырехрукий Шива, в руках его — трезубец, палица, перун-ваджра и кувшин для воды. Этот последний атрибут получает свое объяснение в том же имени ОКРО = Окшо¹², которое соотносится с великой рекой Бактрии — Вахшем-Оксом-Амударьей, указывая на связь божества с водой и искусственным орошением, определявшим богатства речных долин. Окшо был, следовательно, связан с ираноязычной средой коренного бактрийского населения, входя в круг малых божеств и гениев авестийского пантеона. Геракл = Шива = Окшо на кушанских монетах отображает тот синкретизм различных систем и образов, воссоединивших иранские, эллинские и индийские элементы, который был характерной чертой культовой идеологии в государстве Великих Кушан.

Возвращаясь к Гераклу в этом его «синтетическом качестве», мы вправе утверждать, что главной областью сохранения культа и популяризации его в искусстве была Бактрия. До сих пор нередко огромные по своим объемам раскопки античных городищ Кабулистана (Беграм, Скандертепе), Гандхары (Таксила, Шейхан-Дхери, Харсада), Матхуры дали лишь единичные находки. Это каменный горельеф с Гераклом в схватке с крайне условно переданным немейским львом из Матхуры¹³, фрагмент

¹⁰ A. C u n n i h g h a m, *Coins of the Kushans or Great Yue-ti*, NC, III series, № 45, 1892, табл. I, стр. 153 сл.

¹¹ R. G ö b l, *Roman Patterns for Kushana Coins*, «Journal of the Numismatic Society of India», 1961, стр. 85 сл. В римской нумизматике изображения Геракла в рост отмечаются, начиная со времени Траяна и следующих императоров (см. R. B r ä u e r, *Die Heraklesstatuen auf antiken Münzen*, «Zeitschrift für Numismatik», XXVIII, 1910, стр. 87 сл.; табл. IV, № 15—17; G ö b l, *Roman Patterns...*, стр. 85, 91, табл. I, 9).

¹² S m i t h, *Catalogue*, стр. 80 сл., табл. XIII.

¹³ J. P h. V o g e l, *La sculpture de Mathura*, «Ars Asiatica», XV, P. — Bruxelles, 1930, стр. 118, табл. XLII; B. R o w l a n d, *The Art and Architecture of India*³, Byn-glay, 1967, стр. 96, табл. 49 B.

грубоватой белокаменной статуэтки Геракла из Харсады¹⁴ и явно привозные предметы средиземноморского экспорта: глазурированный кратер с головкой героя на ручке и два кольца с его изображением из Таксилы¹⁵, а также бронзовая фигурка Геракла-Сераписа из Беграма¹⁶. Все эти объекты восходят к эпохе Кушан.

Между тем в Бактрии археологами уже выявлено несколько памятников искусства с изображением Геракла — разных по времени, материалу и стилю и в большинстве местного происхождения.

Глиняный с окраской бюст Геракла с очень экспрессивной, выполненной в богатой пластической лепке головой входил в скульптурное оформление главного зала халчаянского дворца (рубеж н. э.). Наряду с Афиной и Никой он венчал центральную композицию с восседавшими на троне правителем и его супругой¹⁷: Геракл здесь предстает как божество — покровитель первых Кушан из рода Герая.

На блюде из сокровищницы миров Бадахшана (ныне в Британском музее) Геракл бежит за колесницей Диониса¹⁸. По стилистическим данным объект этот, как и очень сходное, хотя и отличное по составу фигур Алкинское блюдо из Приуралья¹⁹, являет восточную интерпретацию греко-римской изобразительной композиции. Примечателен факт хранения в многовековой фамильной сокровищнице князей одного из самых труднодоступных обитаемых районов Памира этого сосуда, возможно, попавшего сюда еще в Кушанское время.

Геракл с Алкестой фигурирует на одной из бактрийских серебряных с позолотой чаш в коллекции с сюжетами Эврипидовых драм²⁰ — последние исполнены с муляжей, повторявших какие-то эллинистическо-римские подлинники. Примечательно, что некоторые из подобных муляжей сохранялись и воспроизводились (разумеется, с неизбежным огрублением форм) на землях Бактрии — Тохаристана и позднее: такова другая эрмитажная чаша VI—VII вв., на которой сцены из драмы «Геракл и Силей» соседствуют с чисто локальными образами брачной четы в азиатских костюмах и с местными атрибутами²¹.

Нижняя половина плитки с рельефным изображением Геракла, стоящего прямо, широко раздвинув ноги, с опущенной палицей в правой руке и львиной шкурой в левой, была найдена при раскопках Балха в слое, датируемом рубежом кушанского и кушано-сасанидского времени²². Другая терракотовая плитка (рис. 3) содержит несколько нечеткое изображение нагого мужчины (голова также отбита) в аналогичной позе; его опущенную правую руку продолжает донизу рельефная полоска, по-видимому, передающая дубинку. Плитка была найдена нами при раскопках

¹⁴ M. Wheeler, Charsada. A Metropolis of the North-West Frontier, Oxf., 1972, стр. 123, табл. XLI.

¹⁵ J. Marshall, Taxila, Cambr., 1951, стр. 433, 641, 645, 648, табл. 130, 197, 198.

¹⁶ Nouvelles recherches archéologiques à Bégram, MDAFA, XI (1954), стр. 277, рис. 323, 325.

¹⁷ Пугаченкова, Халчаян, табл. XVI; она же, Скульптура Халчаяна, М., 1971, стр. 42 сл., илл. 48.

¹⁸ N. Dalton, The Treasure of the Oxus³, L., 1964, стр. 49 сл., табл. XXVII.

¹⁹ А. П. Смирнов, Новые находки восточного серебра в Приуралье, М., 1937.

²⁰ Я. И. Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. CXIII. О расшифровке сюжетов этого блюда как эпизодов из драм Эврипида см. K. Weitzman, Three «Bactrian» Silver Vessels with Illustrations from Euripides, «The Art Bulletin», XXV, № 4 (1943, Dec.).

²¹ Смирнов, Восточное серебро, табл. XXXVII.

²² J. Gardin, Céramiques de Bactres, MDAFA, XV (1957), стр. 56—57, табл. X, 2.

загородного жилого дома, расположенного близ южных ворот Дильберджина в слое, датируемом монетами Васудевы I и Васудевы II (работы СЭА 1973 г.).

Обе терракоты примечательны как показатель изготовления отливок с изображением Геракла, вызванного массовым спросом на них, очевидно, в связи с определенным распространением культа божественного героя.

Статуя Геракла, установленная внутри бастиона главных городских ворот Дильберджина, вместе с отмеченными выше изобразительными памятниками, не оставляет сомнения в значении этого культа в области Бактр. Иконографически Геракл здесь представлен в наиболее традиционной позиции, известной во многих образцах греко-римского искусства — стоящим прямо, с опорой тела на одну ногу, с опущенной дубинкой в правой руке и львиной шкурой в левой²³. Вместе с тем, как уже

было отмечено, статуя эта значительно отличается от своих классических прототипов. Фигура сохраняет покойную уравновешенную позу, но ноги ее чрезмерно раздвинуты, и пропорции торса иные. Существенно отлична здесь лепка — это не только не гора мышц, как у статуарных воплощений героя, разработанных Лисиппом²⁴ и повторявшихся в многочисленных копиях, и даже не просто мускулистый торс атлета. Формы обобщены, мышцы почти не выражены. Господствует та сглаженная пластика нагого тела, которая присуща индийскому канону²⁵. Она-то, очевидно, и возобладавала в бактрийском статуарном искусстве в эпоху Великих Кушан.

Необычную для греческого героя деталь представляет также ожерелье с подвеской. Напомним, что статуи Геракла II в. с богатыми ожерельями найдены были в Хатре²⁶. Мужские шейные украшения на Ближнем Востоке были регалией знатности. В Индии они указывали на принадлежность к высшей касте и нередко придавались божествам (Шива, Панчика-Кувера, Ваджралани) и бодисатвам. Атрибутом высокого ранга, совершенно чуждым эллинскому мировоззрению, является, очевидно, и ожерелье у дальверзинской статуи.

Рис. 3. Терракотовая плитка с изображением Геракла. Дильберджин. II в.

²³ Ch. D a r e m b e r g, E. S a g l i o, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, III, P., 1899, стр. 121 сл.; S. R e i n a c h, Répertoire de la statuaire grecque et romaine, V, табл. 80, 81, 84.

²⁴ Ср. О. Ф. В а л ь д г а у э р, Лисипп, Берлин, 1923.

²⁵ Ср. статую Геракла со львом из Матхуры (R o w l a n d, The Art and Architecture of India, стр. 96, табл. 49 B).

²⁶ A. M a r i c q, Les dernières années de Hatra: l'alliance romaine, «Syria», XXXIV (1957), стр. 288 сл.; D. H o m e s - F r e d e r i c q, Hatra et ses sculptures parthes. Etude stylistique et iconographique, Istanbul, 1963, стр. 50, табл. I; D o w n e y, The Heracles Sculpture, стр. 92 сл., табл. XVIII—XX.

Исследователи культов эллинизированного Востока приходят к выводу, что Геракл здесь сливается с божествами местного пантеона, сохраняя свою традиционную, хотя и заметно огрубленную пластическую иконографию. На рельефе и в надписи Антиоха Коммагенского он отождествляется с иранским божеством победы Веретрагной²⁷, в семитской среде ассоциируется с сирийским Белом²⁸, вавилонским Наргалом²⁹, пальмирским Небо³⁰, тирским Мелькартом³¹.

В кушанском мире, в северо-западном регионе которого преобладала местная разновидность религии Авесты, а в юго-восточном индийские религиозные доктрины, такими божествами оказались Окшо и Шива. Иконографически открытая в Дильберджине глиняная статуя наиболее близка к изображению божества ПРАКИЛО на уникальном статере Хувишки из Британского музея, стоящего с широко расставленными ногами, с львиной шкурой, свисающей с левой руки, и с полусогнутой правой рукой, положенной на палицу, опертую оземь у правой ноги³². Мы полагаем, что и этот статер, и наша статуя, и упомянутые терракотовые плитки из Балха и Дильберджина повторяют, с большим или меньшим приближением к подлиннику, какую-то монументальную статую, украшавшую главный бактрийский храм Геракла-Шивы-Окшо. Храм этот мог располагаться не обязательно в столичных Бактрах, но подобно храму Диоскуров в Дильберджине, в одном из крупных городов Балхского оазиса, где это синкретическое божество почиталось в качестве верховного покровителя.

Отметим, что роспись в нише с Гераклом также иллюстрирует какие-то локальные видоизменения классических мотивов. Побег виноградной лозы широко известен в греко-римском искусстве; закономерна связь его с Гераклом, большим любителем вина и шумных пооек³³. Мотив этот входит и в орнаментальный репертуар античного индо-среднеазиатского мира: он встречается в рельефах Гандхары³⁴ и Буткары³⁵, в керамике Сурх-Котала³⁶ и Дальверзин-тепе³⁷. В росписях Дильберджина побег лозы по сравнению с классическим видоизменен в деталях, он как-то схематизирован и вял, что же касается нижней половины, то здесь традиционные свесы гирлянд, перевитых лентами, заменены свесами цепей, что в общем-то в большей мере отвечает суровому духу того святилища внутри бастиона, в котором воины совершали обряды поклонения своему божеству.

Статуя Геракла в галерее 1/11 оказалась не единственным обнаруженным при раскопках произведением скульптуры. В расположенной напротив нее бойнице — одной из тех, которые при перестройках третьего

²⁷ A. Stein, *Old Routes of Western Iran*, стр. 399 сл.; J. Duchesne-Guillemin, *La religion de l'Iran ancien*, P., 1962, стр. 175 сл.

²⁸ A. D. Vivar, S. Shaked, *The Inscriptions at Shimbar*, «Bull. of the School of Oriental and African Studies», 27 (1964), стр. 269 сл.; Downey, *The Heracles Sculpture*, стр. 74 сл.

²⁹ H. Seyrig, *Heracles-Nergal*, «Syria», XXIV (1944), стр. 62 сл.

³⁰ Downey, *The Heracles Sculpture*, стр. 97.

³¹ D. Sourdel, *Les cultes du Hauran à l'époque romaine*, P., 1952, стр. 35.

³² Whitehead, *Catalogue*, стр. 214, табл. XX, 9.

³³ Соплемся в качестве примера на мотив виноградной лозы в украшении каменного алтаря II в. из Хатры с сюжетами подвигов Геракла (Downey, *The Heracles Sculpture*, табл. XXI).

³⁴ J. Lyons, H. Ingholt, *Gandharan Art in Pakistan*, N. Y., 1957, табл. 461; H. G. Franz, *Buddhistische Kunst Indiens*, Lpz, 1965, рис. 156—158

³⁵ D. Fassen, *Sculptures from the Sacred Area of Butkara I, III*, Roma, 1964, табл. DCXXVII, DCXXXV, DCLII.

³⁶ Коллекция Кабульского музея (не опубли.).

³⁷ Находки из квартала керамистов на Дальверзин-тепе (не опубли.).

Рис. 4. Фрагменты горельефной мужской фигуры и голова из бойницы

Рис. 5. Две женские фигурки из бойницы

периода были наполовину заложены и преобразованы в нишки, оказался целый набор глиняных фигурок (рис. 4 и 5). Все статуэтки — грубоватой ручной лепки, из желтоватой или серой, плотно отмученной глины. Фигурки эти двух типов — более крупные мужские, дошедшие лишь во фрагментах (их было не менее четырех) и четыре небольшие женские. Первые выполнены в трехчетвертном объеме, с плоской тыльной стороной, формировавшейся на какой-то ровной поверхности, причем их головы и торсы были сделаны вначале в примерном объеме, а затем на них как бы надеты лицевая маска и одежда, руки же и ноги изготовлены в один прием из глиняных колбасок. Статуэтки второй группы — круглообъемные, выполненные из толстых глиняных валиков, плоско срезанных понизу

и устойчивых. Головы и лицевые черты их выполнены защипами, вытянутые или воздетые руки у одной из фигурок налепные, у остальных просто оттянуты из общего кома глины.

Особенно интересна мужская голова, сколотая по шею (размеры $9 \times 9 \times 5,5$ см). Совершенно плоская маска лица миндалевидного овала оттянута от нагрубо сформованного сзади кома глины. Брови, нос, усы, рот — налепные, глаза и косые насечки волос выполнены острием. Лоб низкий, брови единой рельефной дугой следуют от виска к виску, глаза умеренные, прямого разреза, нос орлиный, усы вкось ниспадают до бороды, рот — овальным налепом, с горизонтальной прорезью посередине. Профиль совершенно плоский, выступает лишь крупный изогнутый нос и налепы бровей и усов. Справа на шее налепной круглый валик — часть гривны или оторочки ворота. Лепка дополнена окраской: лицо было покрыто тонким слоем белого пигмента (сохранился он лишь местами), валики же бровей, усы, полоска бороды, обрамляющей лицо от виска к виску, очертание глаз и частично сами глаза окрашены черной краской.

Имеется несколько фрагментов еще одной аналогичной по типу и размеру головы с белой окраской плоского лица, обрамленного черной бородой, и с овальным налепным ртом.

От двух других, меньших по размерам, мужских статуэток дошли фрагменты торсов, рук и ног (высота одной 27 см, другой 15 см, с головой они, очевидно, достигали 32 и 25 см). Обе фигуры в облегающих, перепоясанных кафтанах с треугольным воротом и вкось идущим от пояса к левому бедру запахом и в узких, подхваченных у щиколотки шароварах. Одежда у одного темно-красная, у другого белая.

Статуэтки женщин имеют очень массивные пропорции, торс их под длинным до пят платьем прямой, без выделения форм. Головы приподняты вверх, лица широкие с закатанным лбом, горбатым носом и тяжелой челюстью, глаза намечены мелким врезом. На лицах и одеяниях следы окраски в белый и розовый цвета, черной краской были окрашены брови и волосы. Размеры этих фигурок 8 — 10 см по высоте.

При всей пластической обобщенности иконография мужских статуэток дает определенный круг бактрийских аналогий. Так, описанный тип лица с характерной формой ниспадающих усов и подстриженной заостренной черной бороды, обрамляющей его овал, с густыми бровями и прямым очертанием глаз уже предстает в изображениях бактрийцев на рельефе Персеполя (VI в. до н. э.)³⁸, в скульптуре Халчаянского дворца (I в. до н. э. — I в. н. э.)³⁹, в росписях усадьбы Балалык-тепе (V в.)⁴⁰. Он, несомненно, отображает определенный этнический тип.

Костюм дальверзинских мужских фигурок характерен для бактрийско-кушанской среды, но это не царские одеяния с их широкополыми кафтанами и пышными шароварами (как в статуях Сурх-Котала, Шотарака, Матхуры)⁴¹, а более скромная одежда лиц не царского ранга. Таковы, например, неширокие шаровары и облегающий перепоясанный кафтан у вельможи из скульптурной композиции в буддийском святилище Дальверзин-тепе (I в.)⁴², такова одежда у некоторых оттиснутых формочками

³⁸ R. Ghirshman, *Perse. Proto-iraniens. Mèdes. Achéménides*, P., 1963, рис. 229.

³⁹ Пугаченкова, Скульптура Халчаяна, стр. 60, 63, илл. 76.

⁴⁰ Л. И. Алябум, Балалык-тепе, Ташкент, 1960, рис. 148.

⁴¹ D. Schlumberger, *Descendants non-méditerranéens de l'art grec, «Syria»*, 1960, № 1, табл. VII, 1—3; J. Meunier, *Shotarak, MDFAA*, X (1942), табл. XXIX; Vogel, *La sculpture de Mathura*, табл. I.

⁴² Г. А. Пугаченкова, Новое в изучении Дальверзин-тепе, СА, 1971, № 4, рис. 12.

терракотовых статуэток из кушанских городищ Северной и Южной Бактрии⁴³.

Бактрийско-кушанская короoplastика дает возможный ключ к истолкованию значения мужских фигурок из дильберджинского бастиона. В составе ее выделяются две группы терракот; одни изготовлены в матрицах, другие — ручной лепкой. Те и другие выполнялись одними и теми же мастерами, в одних и тех же керамических печах, но радикально отличны своей иконографией. Если первые представляют ремесленный повтор каких-то художественных пластических прототипов, то вторые, напротив, выполнены предельно обобщенно, с приданием изображению идолоподобного вида. Здесь, разумеется, речь может идти не о профессиональном неумении — те и другие терракоты встречаются в единых археологических слоях, но о специальном спросе на такие обобщенно трактованные статуэтки.

Особенно типичны в данной группе лепные всадники на конях, со схематическими намеченными защипом чертами лиц⁴⁴. Иногда эти идольчики или лошадки оформляют ритуальные курильницы⁴⁵ — факт, не оставляющий сомнения в их связи с какими-то культами, скорее всего с культами тех племен, нахлынувших во II в. до н. э. в Бактрию и продвинувшихся затем дальше на юг, к которым принадлежал и род Кушанов. Иконографическим воплощением их обожествленного предка становятся упомянутые идолоподобные всадники и наlepные фигурки бактрийской короoplastики⁴⁶.

Ассимилировавшись в бактрийской среде и восприняв ее культуру, бывшие степняки сами также внесли в эту культуру какие-то элементы древних верований и образов. Можно предполагать, что культ воинственного предка здесь наслонился на близкий по своему значению культ бактрийского божества, которое пользовалось особым почитанием в военной среде. К нему-то, по-видимому, имеют отношение мужские лепные статуэтки из дильберджинского бастиона.

Женские лепные статуэтки также были не чужды бактрийской короoplastике (хотя здесь преобладали оттиснутые в матрицах художественные образы местных великих богинь). Таковы, например, лепные фигурки из слоев I в. на Дальверзин-тепе. Иконографически лица у дильберджинских фигурок сходны с «богиней с зеркалом» из керамических печей Саксанохура⁴⁷, хотя ее изображения и выполнены матрицами. Что касается значения фигурок из Дильберджина, то это скорее всего те служительницы-оранты, которые принимали участие в ритуалах поминовения предков. При всей грубости они не лишены экспрессии, выражающей не то религиозный экстаз, не то мольбу.

Очевидно, во времена Васудевы, когда галерея 1/11 играла роль внутренней молельни или святилища для солдат и офицеров дильберджинского гарнизона, напротив ниши со статуей Геракла был установлен небольшой киот, вдоль стенок которого располагались горельефные мужские

⁴³ Она же, Халчаян, рис. 107; она же, Новые данные о художественной культуре Бактрии, в кн. «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент, 1973, рис. 31—32; Кругликова, Сариянди, Древняя Бактрия..., рис. 5.

⁴⁴ См. М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, в кн. «Термезская археологическая комплексная экспедиция», Ташкент, 1941, рис. 52, 53; Альбаум, Балалык-тепе, рис. 19; Пугаченкова, Халчаян, рис. 107.

⁴⁵ Она же, Халчаян, рис. 107, 108; она же, Новые данные о художественной культуре Бактрии, рис. 45.

⁴⁶ См. она же, Об одной группе терракотовых статуэток Тохаристана, в кн. «Новое в советской археологии». М., 1965.

⁴⁷ Б. А. Литвинский, Х. М. Мухитдинов, Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан), СА, 1969, № 2, стр. 7—8.

фигуры, а рядом стояли круглообъемные фигурки женщин — обрядовых служительниц. В пору заброса бастиона остатки их были засунуты в расположенную рядом наполовину заложённую бойницу. Характерно, что наверху в этом участке в стене сохранилось гнездо с вмонтированным в него светильником-чирогом. Другой чирог был расположен в том же уровне напротив колодца, причем оба они, как и прилежащие участки стены, сильно закопчены. Таким образом, возжигание огня играло какую-то роль при совершении обрядов.

Возвращаясь к статуе Геракла, отметим, что его культовые функции варьировали в разных районах эллинизированного Востока. Так, в западноафганском городе Дура-Европос ему приписывалась апотропеическая роль: Геракл здесь был божеством-охранителем дома, оберегавшим его от вторжения всяческого зла (большинство скульптур найдено именно в жилых домах и в основном во входных помещениях). Вместе с тем он был и покровителем самого города⁴⁸. В Хатре изображения Геракла найдены в храмах и в гробницах, свидетельствуя о какой-то связи его с заупокойным культом⁴⁹; другим его значением, по мнению С. Доуней, была роль протектора правителей Хатры⁵⁰.

В кушанском мире функции Геракла были иными. Среди недавно открытых скульптур из Тепе-Шутур в Хадде (Восточный Афганистан) большой интерес представляет статуя Ваджрапани в образе Геракла, в руке которого взамен традиционной дубинки — ваджра, характерный символ этого воина-гения индо-буддийского пантеона⁵¹. Вполне убедительно высказанное предположение о том, что статуя эта была выполнена бактрийским ваятелем, работавшим по приглашению монастырской общины Тепе-Шутура⁵².

В Бактрии Геракла, очевидно, также преимущественно чтили как бога-покровителя воинов, духу которых импонировали его физическая мощь и славные подвиги. В силу этого в кушанское время, когда видную роль начинают играть индийские религиозные доктрины, произошло и слияние его с культом яростного, воинственного Шивы.

Возможно, что, подобно этрусскому Геркле, Геракл почитался в Бактрии как охранитель городских укреплений и национальных границ⁵³: отсюда учреждение его святилища в бастионе крепостных ворот пограничного города Балхской округи.

Глиняные статуи и статуэтки из дильберджинского бастиона проливают свет на странный горельеф из Сузма-калы, хранящийся ныне в Мазари-Шерифском музее (рис. 6)⁵⁴. Сузма-кала расположена в 120 км западнее Балха, т. е. также в районе Южной Бактрии, входившем, вероятно, как и весь Балхский оазис, в зону подчинения столичным Бактрам.

Горельеф довольно примитивен по исполнению, он отлит из гипса и сохранил следы грубоватой окраски черт лица и волос. На гладком фоне плиты выступает трехглавая, но с единым торсом фронтальная фигура с опорой на правую ногу и с несколько выдвинутой левой. Фигура полуна-

⁴⁸ D o w n e y, The Heracles Sculpture, стр. 57—59, 82.

⁴⁹ S. F u k a i, The Artifacts of Hatra and Parthian Art, «East and West», XI (1960), 2—3, стр. 166; H o m e s - F r e d e r i c q, ук. соч., стр. 50.

⁵⁰ D o w n e y, The Heracles Sculpture, стр. 95.

⁵¹ Ch. M o u s t a m i n d y, Preliminary Report of the Sixth and Seventh Excavation Expedition in Tapa-Shutur Hadda, «Afghanistan», XXVI (1973), № 1, стр. 61.

⁵² Там же.

⁵³ J. B a y e t, Herclé. Etude critique des principaux monuments relatifs a l'Hercole Etrusque, P., 1926, стр. 251.

⁵⁴ K. F i s c h e r, Neue Funde und Forschungen zur indische Kunst in Arachosien, Bactrien und Gandhara, «Der Archæologische Anzeiger», 72 (1957), стр. 416 сл., рис. 1; R o s e n f i e l d, The Dynastic Art, стр. 93 сл.

Рис. 6. Горельеф из Сузма-калы

гая, в каких-то смешных в полоску «трусиках» или юбочке и с выпуклой гривной на шее. В опущенной правой руке дубинка, с опертой о бок левой руки ниспадает род полосатой ткани (не понятая скульптором шкура льва). От правого плеча вырастает еще одна рука в браслете с трезубцем; часть плиты, где располагалась четвертая рука, сбита. Лицо божества широкое, безбровое, с жирными дугами бровей и короткими курчавыми волосами. По обе стороны от него переданы барельефом еще два лица в профиль — оба бородатые, горбоносые, широкобровые.

Исследователи, привлекая в качестве аналогов изображения на кушанских монетах, относят рельеф из Сузма-калы к эпохе Кушан и усматривают в нем амальгаму иконографии Геракла и Шивы; приметами последнего являются в данном случае безбородое лицо, четырехрукость и трезубец⁵⁵. С трактовкой этой, безусловно, можно согласиться, но остаются необъясненными бородатые профили этой трехликой фигуры. Между тем большая общность их с бородатой головой из числа глиняных статуэток Дильберджина (а таких голов там тоже было две) подсказывают расшифровку. Эти бородатые профили на горельефе Геракла-Шивы из Сузма-калы сопутствуют ему так же, как отдельные статуэтки божков из бойницы — распо-

⁵⁵ F i s c h e r, ук. соч., стр. 422 сл.; D o w n e y, The Heracles Sculpture, стр. 15 сл.

ложенной напротив них статуе в пише: они, очевидно, соответствуют им и по своему содержанию.

Вкупе скульптуры из Дильберджина и горельеф из Сузма-калы дают представление о сложном синтетическом существе того божества, которое почиталось в кушанское время в Бактрии преимущественно в военной среде и которое вобрало в себя черты греческого Геракла, индийского Шивы, бактрийского Окшо и пока безымянного для нас юежийско-бактрийского божка — обоготворенного война-предка.

Г. А. Пугаченкова

HERACLES IN BACTRIA

G. A. Pugachenkova

During excavations in 1973 by the Soviet-Afghan expedition of fortifications near the south gate of Dilberjin a statue of Heracles was found in the main bastion. The statue, with head and arms missing, is modelled in clay on a wooden carcass and is dated in the time of Vasudeva II. It was found in a niche in the wall of a gallery which served as a prayer hall for the garrison troops. The niche is decorated with a grapevine motif entwined with a chain of looped ribbons. The statue was set up here twice; the feet are preserved from its first position. Heracles is represented in a quiet pose, his club hanging down from his right hand. The soft modelling and the necklace round his neck are reminiscent of the sculptural iconography of Shiva.

The bust of Heracles from Halchayan, the statue from Dilberjin, the terracottas from Dilberjin and Balkh and the high relief from Suzma-kala attest the important place held by this divinity in Kushan Bactria. His cult was particularly observed by the military, who regarded him as the protector of warriors and the defender of state boundaries. In the Kushan period he is not a Hellenic but a syncretic deity in whose person are combined features of the Greek Heracles, the Indian Shiva and the Bactrian Oksho. A group of statuettes, male and female, found in the same gallery opposite the statue of Heracles, is also connected with the cult of this divinity.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ